

М.Б. Лоскутникова

Московский городской педагогический университет (Россия)

МОТИВ ДРУГОГО В РОМАНЕ И.А. ГОНЧАРОВА «ОБЫКНОВЕННАЯ ИСТОРИЯ»

Мотив *Другого* играет в романах И.А. Гончарова консолидирующую роль в организации художественного целого, создавая сплав двух уровней носителей стиля — структурно-композиционного и стилистического.

В статье рассмотрены представления о *Другом* главных героев романа «Обыкновенная история». Для Адуева-старшего *Другой* — это не друг и не враг. В его понимании следует жить, как все, при этом *Другой* помогает объективно оценить собственные возможности. Поэтому *Другого* надо уважать и прислушиваться к его мнению (особенно если это талантливый человек). Стратегический жизненный просчет Петра Ивановича состоит в том, что на пути к реализации личных целей он призывал отказаться от любых чувств.

В образе Адуева-младшего Гончаров намеревался развенчать ложно-романтические настроения. Однако писатель создал роман с более широкими смыслами. Дважды Александр идет на завоевание столицы — и оба раза терпит поражение, хотя во втором случае и ему самому, и окружающим восхождение по служебной лестнице представляется победой. Мир Адуева-младшего в результате «завоеваний» превращается в выжженную землю, на которой существует только его *Я* и нет и не может быть места для *Другого*.

Ключевые слова: И.А. Гончаров; «Обыкновенная история»; мотив *Другого*; стиль.

М. Loskutnikova

Motif of the Other in I.A. Goncharov's Novel «An Ordinary Story»

The motive of *the Other* plays in the I.A. Goncharov's novels consolidating role for the art ensemble organization, creating an alloy of two levels of carriers of style — structurally-composite and stylistic.

Representations of protagonists of the novel «An Ordinary Story» about *the Other* are considered in the article. For Adujev-senior *the Other* is not

a friend and not an enemy. In his understanding, it is necessary to live like everybody, thus *the Other* helps to evaluate own possibilities objectively. Therefore one should respect *the Other* and listen to his opinion (especially if he is a talented person). Strategic vital miscalculation of Petr Ivanovich is that on the way to realization of the personal purposes he urged to refuse any feelings.

In the image of Aduiev-younger, Goncharov intended to discredit the false-romantic moods. However the writer had created the novel with broader senses. Twice Alexander goes to the conquest of the capital — and both times fails, though in the second case an ascension on the office ladder seems victory to him and to his surrounding. The world of Aduiev-younger as a result of the «conquests» is a scorched earth on which there is only his *I* and there is not and there can not be a place for *the Other*.

Keywords: I.A. Goncharov; «An Ordinary Story»; motif of *the Other*; style.

Цель статьи состоит в том, чтобы рассмотреть статус и развитие мотива *Другого* в романе И.А. Гончарова «Обыкновенная история». Ракурсом исследования является стилевая организация произведения. Актуальность данного подхода к изучению романного творчества писателя определяется тем, что путь к достижению классического стиля, к образцам которого принадлежат романы «Обломов» и «Обрыв», был проложен в первом романе писателя.

Стиль как «последняя реальность художественного лика» [З: с. 153] — это система закономерностей художественной формы произведения, обусловленной авторским «заданием». Классический стиль предполагает, что те ценности, которые исторически выработаны в определенной национальной литературе, наиболее полно и многогранно выражены в творчестве крупных представителей этой культуры. Романное творчество Гончарова, наряду с прозой И.С. Тургенева, А.П. Чехова, И.А. Бунина, признано фактом пластического развития классического национального стиля в отечественной словесности. Вместе с тем названные великие авторы создали неповторимые художественные миры. Выявлению специфики стиля романов Гончарова и особенностей его формирования способствует исследование мотива *Другого*.

Сравнение как детерминант носителей стиля в романах И.А. Гончарова

Телеология гончаровского романного стиля диктует обращение к сознанию *Другого* и фактам национального бытия. Отсюда значимые функции героя в сюжетосложении, предусматривающие взаимодействие с инокультурным восприятием действительности, и «всеведающие» функции повествователя. Такая авторская установка, идущая от стилевых факторов, находит адекватное разрешение в носителях стиля — на композиционно-архитектоническом и стилистическом уровнях. Гармоничность стиля в романах Гончарова обнаруживает себя в том, что на этих уровнях воплощения художественной идеи усилия автора подчиняются изоморфным требованиям: в поэтической природе романистики писателя на структурно-композиционном уровне заложены требования *сравнительно-сопоставительного изображения* всех характеров и объектов действительности, а на уровне стилистики как художественной ткани романов образ создается в первую очередь с использованием *речевой фигуры сравнения*.

О композиционно-архитектонических принципах организации романов Гончарова и заложенном в их структуре сопоставлении писали неоднократно. Наиболее последовательно этот вопрос рассмотрен В.А. Недзвецким, который писал о том, что «различные *сопоставления* и *противопоставления* основных структурных единиц», а также «*повторы* или вариации ряда опорных ситуаций и сцен» и романские «*лейтмотивы*» стали в романах Гончарова «самыми результативными» [7: с. 45]. Этот принцип сопоставления и противопоставления отличает «конструкцию» романов Гончарова от построения романов иных русских авторов.

Спецификой гармонизированного романного стиля Гончарова является то, что указанный композиционно-архитектонический принцип во всех трех романах поддержан сравнением как фигурой речи. В научной литературе отмечено наблюдение над стилистикой романа «Обломов» («вся повествовательная ткань» произведения «состоит из целой системы <...> сравнений» [8: с. 100]), но этот тезис в последующие десятилетия долгое время находился в тени.

В романе «Обыкновенная история» более 460 сравнений¹. Для осознания этой цифры в отношении к массиву текста можно обратиться к аналогичным количественно-статистическим данным в романе Л.Н. Толстого «Война и мир», в котором более 600 сравнений [2: с. 155].

Другой в понимании Петра Адуева

Художественная идея романа «Обыкновенная история» вызвана и обеспечена противостоением вокруг позиции «быть или не быть» как *Другой*, как все. В первом крупном произведении писателя на этом основана концепция обыкновенности / необыкновенности. Напоминание о *Другом* становится структурообразующим в изображении борьбы двух миропониманий (прагматизма и романтических настроений): это сюжетные вехи, структурные метки на пути движения авторской мысли. «Необыкновенность» Петра Адуева остается вне романного действия (с момента его приезда в Петербург и до момента появления там племянника Александра прошло семнадцать лет). С началом сюжетного конфликтообразования Адуев-старший предлагает Александру помощь в сочинении письма и, характеризуя самого себя, диктует: «Дядя мой ни демон, ни ангел, а такой же человек, как и все, <...> только не совсем похож на нас с тобой» [1: с. 217]. Петр Иванович внушает Александру: надо быть «попроще, как все», и «ты будешь любить, как и другие, ни глубже, ни сильнее», «ты такой же человек, как другие, а других я давно знаю», и даже поэт не заклеял «особенною печатью» — это такой же человек, как все: «так же глядит, ходит, думает и делает глупости, как другие» [1: с. 208, 240, 268, 223]. Оценивая способности племянника, знающего, в частности, три языка, дядя с удовлетворением говорит: «Поздравляю тебя, давно бы ты сказал: из тебя можно многое сделать» и констатирует: «другие начинали и хуже», однако

¹ Уточним, что при подсчете фигур сравнения в романах Гончарова нет принципиальной необходимости входить в особенности разноречия, поскольку речь повествователя и речь персонажей находятся в постоянном взаимодействии (см.: [6; 9]).

уточняет и дважды повторяет: вот если обнаружится талант — «тогда другое дело» [1: с. 225]. Перед временным возвращением племянника домой, в Грачи, в разговоре о любви и привычке Петр Иванович заключает: «...ты не хуже других и не лучше, чего я и хотел от тебя»; «Делай все, как другие, — и судьба не обойдет тебя <...>. Смешно вообразать себя особенным, великим человеком»; «Чего я требовал от тебя — не я все это выдумал» [1: с. 423, 421].

Таким образом, в понимании Петра Ивановича, *Другой* — это спектр определенных характеристик, и прежде всего осознание, что это человек посторонний, но похожий на тебя самого: факт обыденно-привычный, житейский, рядовой, общепринятый. *Другой* — «это общий порядок» [1: с. 419]. Поэтому *Другой* вызывает в каждом, и тем более в оппоненте, необходимость соответствовать некоей норме, в силу чего формируется потребность расти и добиваться целей. Более того, *Другой* может быть человеком талантливым, даже гениальным, вызывающим не только уважение, но и восхищение. В разговоре с племянником о творцах и ремесленниках, спровоцированном заявлением Александра о том, что только в поэте «таится присутствие высшей силы», Адуев-старший спокойно и со знанием дела утверждает, что эта сила есть «иногда и в других — и в математике, и в часовщике, и в нашем брате, заводчике» [1: с. 223]. Петр Иванович подчеркивает, что «Ньютон, Гутенберг, Ватт так же были одарены высшей силой, как Шекспир, Дант и прочие» [1: с. 223]. Отвергнув упрек племянника в смешении искусства и ремесла, Адуев-старший не столько размышляет, сколько резюмирует: «Искусство само по себе, ремесло само по себе, а творчество может быть и в том, и в другом, так же точно, как и не быть. Если нет его, так ремесленник так и называется ремесленник, а не творец, и поэт без творчества уж не поэт, а сочинитель...» [1: с. 223].

Петр Иванович утверждает, что надо всего добиваться в жизни самому, без оглядки на *Другого*: «Надо уметь и чувствовать и думать, словом, жить одному; со временем понадобится» [1: с. 207]. «Если ты думал что-нибудь другое, так объяснись...» [1: с. 207], — обращается он к Александру. И услышав, что это «другое» состав-

ляет для племянника желание «пользоваться жизнью», жестоко высмеивает его: «не стоило труда ездить так далеко», «напрасно ты приезжал» [1: с. 207]. Дядя настаивает: *Другой* (в том числе и он, дядя) «тебе не нянька» [1: с. 219]. Адуев-старший утверждает, что «мечтать здесь некогда», что в Петербург ездят «дело делать» [1: с. 209]. В проведении в жизнь этого своего девиза, являющегося целеполагающим лозунгом и для других (но «подобных нам», — говорит он [1: с. 209]) деловых людей, Петр Иванович видит смысл существования.

Вместе с тем дядя учит племянника, что надо разбираться в людях. «Глупая восторженность» [1: с. 211] Александра не позволяет ему видеть жизнь в ее настоящих пропорциях и масштабах, а людей — в истинном свете. К *Другому* необходимо внимательно-осмотрительное отношение. Может оказаться всякое, например то, что помощник столоначальника — картежник, а сам столоначальник берет деньги займы и не возвращает [1: с. 229]. Адуев-старший наставляет: «А ты думал, что <...> около тебя ангелы сидят! *Искренние излияния, особенное влечение!* Как, кажется, не подумать о том прежде: не мерзавцы ли какие-нибудь около?» [1: с. 229].

В любом случае, считает Петр Иванович, *Другой* подталкивает человека к четкости в формулировке мысли, к ясности видения перспектив, к трезвости взгляда на мир. В силу надления Адуева-старшего таким рациональным осознанием человека и действительности Гончаров формирует кольцевую структуру в отношении понимания Петром Ивановичем степени близости с племянником. Так, если в день первой встречи Адуев-старший провозглашает: «...ты и я — большая разница», то в эпилоге признает: «Ты весь в меня»; если в первые минуты знакомства «мощной рукой» держит Александра «в некотором удалении от себя» и не позволяет ему ни в тот момент, ни во все последующие годы обнять себя, то в эпилоге впадает в «необыкновенный случай» — обнимает племянника [1: с. 208, 201, 468–469].

Однако программное невмешательство Петра Ивановича «в чужие дела» [1: с. 219] оборачивается холодностью и равнодушием, выжигающими живые начала и в душе Александра,

и в душе самого близкого из *Других* — жены Лизаветы Александровны. Утверждение о взаимоотношениях с Александром: «мы начинаем привыкать друг к другу» [1: с. 217] — исчерпывает для Адуева-старшего родственные связи; друзьями он называет тех, с кем чаще видится, кто доставляет «или пользу, или удовольствие», дружба для него тоже «привычка» [1: с. 250, 422]. В кульминационной сцене романа Лизавета Александровна спрашивает мужа, любит ли он людей, и получает ответ: «Привык... к ним» [1: с. 420]. Слово «привык» Лизавета Александровна повторила за мужем «монотонно»; но, когда Петр Иванович признался: «...очень люблю себя», она «холодно заметила»: «А! тут *любишь*, а не *привык!*» [1: с. 420].

Убежденный, что как в родственных и дружеских, так и в супружеских отношениях можно ограничиться привычкой и расчетом, сознательно избегнув любви, Петр Иванович в романном эпилоге показан растерянным — в связи с болезнью жены. Он с болью говорит, что знает о жене всё: «ее вкус, привычки», и, не реагируя на замечания доктора о «славном» доме, «чудесном» поваре, сигарах и хересе, который Адуеву-старшему регулярно присылают из Лондона, продолжает свою мысль о высоком (что категорически не сделал бы раньше), да еще и «с несвойственным ему жаром»: «Как коварна судьба, доктор! <...> при всех удачах, на такой карьере... А!» [1: с. 455].

В эпилоге Александр напоминает дяде его поучение: «...женишься по любви, <...> любовь пройдет, и будешь жить привычкой; женишься не по любви — и придешь к тому же результату: привыкнешь к жене» и заключает: «Из этого следует, дядюшка, что вы правы, полагая привычку главным...» [1: с. 464]. Но дядя реагирует на это «свирепо», делая «зверское лицо»; повествователь как наблюдатель этой сцены указывает: «Лицо Петра Ивановича начало свирепеть» [1: с. 464, 467]. Действительно, Адуев-старший решил ради жены (которая «была необходима ему <...> наравне с прочими необходимостями жизни, необходима по привычке» [1: с. 460]) и выйти в отставку, и продать свой завод. Однако в ответ на свое утверждение: «...а ведь ты любишь же меня...» — он получает слова, произнесенные «рассеянно» и

с настораживающей и уязвляющей паузой: «Да, я очень... привыкла к тебе» [1: с. 466].

Таким образом, для делового человека, заводчика *Другой* — это не друг и не враг. Петр Иванович прагматически полагает, что следует жить, как все, — полагаясь на себя, трезво себя оценивая, однако при необходимости способствуя такому выстраиванию обстоятельств, чтобы они соответствовали тому, что лежит в узко-личных интересах человека. *Другой* помогает объективно и порой нелицеприятно оценить собственные возможности; *Другого* надо уважать и прислушиваться к его мнению (особенно если это талантливый человек). Однако, по мнению Петра Ивановича, на пути к реализации собственных целей следует совершенно отказаться от каких бы то ни было чувств и руководствоваться лишь расчетом.

В конечном итоге последнее оборачивается против Адуева-старшего, поскольку холодность Петра Ивановича вымораживает всё и всех, прежде всего из его близкого окружения. Его племянник Александр теряет способность чувствовать настроение и даже боль любого *Другого*, а Лизавета Александровна заболевает, лишившись интереса к такой — *другой*, не соответствующей ее представлениям — жизни. Расчет Петра Ивановича оказывается в конечном счете неверным.

Испытывая несомненную симпатию к трезво мыслящему, всю жизнь неустанно работающему, всего в своей жизни добившемуся собственным трудом, знаниями, силой воли Петру Ивановичу, Гончаров вместе с тем глубоко сочувствует ему как человеку, допустившему стратегический жизненный просчет.

Представления Александра Адуева о *Другом* и их динамика

Расставание Александра Адуева с грезами о своей необыкновенности составляет романную фабулу и происходит на глазах у читателя. Уже провожая сына в Петербург, мать учит его: «Достигнешь там больших чинов, в знать войдешь — ведь мы не хуже других» [1: с. 182]. Оказавшись в столице и постоянно сравнивая

жизнь в Петербурге и в родном губернском городе, Александр удручен: здесь «суматоха, все бегут куда-то, занятые только собой», «здесь так взглядом и сталкивают прочь дороги, как будто все враги между собою» [1: с. 203, 204]. Однако Александр жаждет этой жизни: «И суматоха и толпа — всё в глазах его получило другое значение» [1: с. 206]. Хотя ему и «грустно в толпе», он восторженно рассказывает дяде, что «готов слиться» с нею — с «разумно-деятельной толпой» [1: с. 207, 209]. Но со временем Адуев-младший утрачивает свою открытость. «Толпа» вызывает у него презрение. В юношеском растерянном и одновременно высокомерном непонимании самого себя и расстановки сил Александр начинает избегать «толпы, как он говорил», «беседовать с своим я было для него высшею отрадой» [1: с. 265]. Наконец, даже дружба стала для него «другая глупость» [1: с. 389]. В результате *другие* для Александра — люди либо невзрачные, неяркие, неталантливые, серые, зашоренные, даже смешные (как Костюков с его «плоскими шутками» [1: с. 410]), не представляющие собой индивидуальности, а являющие только часть толпы, либо — как представители той же толпы — чужие, даже опасные и враждебные, вызывающие состояние беспокойства, настороженности, тревоги. Но и сам Александр воспринимается окружающими как человек, который поведет себя, «подобно множеству других», — «как вот тот, или <...> как этот» [1: с. 234].

Гончаров дает Александру право и возможность пережить то, что в романе «Обломов» станет для Ильи Ильича неразрешимой проблемой, — чиновничьи будни, и вводит мотив сна. Все Александру чужды, всё — «толпа» и «блеск мишуры, лжи, притворства» [1: с. 410]. Так, в разговоре с Лизаветой Александровной Адуев-младший сетует, что стал «мелок, ничтожен в собственных глазах»: «Я ничего не хочу, не ищу, кроме покоя, сна души» [1: с. 414, 415]. Однако, в отличие от Обломова, Адуев-младший романтически экзальтирован: «...не лучше ли спать и умом и сердцем? Я и сплю» [1: с. 414]. После замечательного концерта «европейской знаменитости» («худощавого немца») Александр исповедуется тетушке: «Я бежал толпы,

презирал ее, — а этот немец, с своей глубокой, сильной душой, с поэтической натурой, не отрекается от мира и не бежит от толпы» [1: с. 415, 412, 410].

Важнейшей частью жизни Александра являются чувства. В течение всего первого периода жизни в Петербурге (до временного отъезда в родные места, в Грачи) молодой человек лелеет надежды на свою необыкновенность, и в избраннице он по определению отрицает ординарность. Любовь к Наденьке Любецкой основана на том, что она «не совсем похожа на других» [1: с. 217], а разочарование в ней, вызванное ее непостоянством (связанным с графом Новинским), объясняется тем, что она «как другие, как все!..» [1: с. 283].

История с Юлией Тафаевой иная. Спровоцированное дядей знакомство с молодой женщиной, вдовой «обыкновенного мужа» — «делового человека» [1: с. 366], обнаруживает в Адуеве-младшем новые чувства. Александр думает о том, что *Другой* может быть таким «любимым существом», о котором говорят: «Это как будто двойник» [1: с. 360]. В таком случае «все поверяется впечатлением другого, своего двойника», при этом «двойник отказывается от собственных ощущений, если они не могут быть разделены или приняты другим. Он любит то, что любит другой, и ненавидит, что тот ненавидит» [1: с. 360]. Так мотив *Другого* трансформируется в мотив двойника.

Писатель использует прием наложения персонажного сознания на сознание повествователя (прием, который в дальнейшем, в романах «Обломов» и «Обрыв», получит широкое применение). Повествователь и тем самым Александр задаются вопросом: «Были ли он счастлив [во взаимоотношениях с Юлией]?». «Всеведущий» повествователь отвечает: «Про других можно сказать в таком случае и *да* и *нет*, а про него [Александра] *нет*» [1: с. 368]. Как в истории с Наденькой Любецкой, молодой человек ожидал, по его выражению, «удара судьбы», однако «ни измены, ни *удара судьбы* не было: случилось совсем другое» [1: с. 368]. По отношению друг к другу Юлия и Александр начинают вести себя как деспоты, причем «что значили ее ревность и деспотизм в сравне-

нии с деспотизмом Александра?» [1: с. 371]. Молодой человек говорит себе: «Желать и испытывать было нечего», избранница ведет себя «как жертва», как «бесхарактерная женщина» [1: с. 373]. Поначалу он боится признаться себе, что Юлия отныне для него — как все (т. е. уже неинтересна ему), и на ее вопрос: «Что с вами?» — отвечает «вяло»: «Я не знаю...», «мне что-то... как будто я...» [1: с. 374] — и не находит сравнения.

Наконец, в истории с Лизой (Антигоной) Александр ведет себя уже как соблазнитель, и в результате застигнут отцом девушки — «как и всякий вор, пойманный на деле» [1: с. 407]. Однако и для Лизы, привыкшей к вниманию молодых людей, встречи и невесты с Александром — это нечто новое и «совсем другое»: ее «обыкновенный прием» завоевания внимания ей не удался [1: с. 390, 400]. Столкнулись два игрока чужими чувствами, и победил Александр.

Все эти годы в Петербурге Александр живет с «отрадной мыслью» «о другом, высшем призвании» — быть писателем [1: с. 234]. Однако реализовать себя в этом качестве ему не удалось. Молодой человек признается: «У меня таланта нет, решительно нет» [1: с. 417]. Обвиняя дядю в разрушении своих иллюзий, Александр бросает ему: «...вы научили меня не чувствовать, а разбирать, рассматривать и остерегаться людей», в результате «я рассмотрел их — и разлюбил!», равно как «возненавидел и себя» [1: с. 420]. На это Адуев-старший спокойно ответил: «Видишь, ведь ты какой прыткий: я думал, что ты <...> будешь только снисходительнее к ним [к людям]. Я вот знаю их, да не возненавидел» [1: с. 420]. Более того, дядя убежден: «Другой, на твоём месте, благословил бы судьбу», в том числе и потому, что «друзья у тебя есть, какие у другого редко бывают: не фальшивые» [1: с. 421]. Адуев-старший настаивает, что в понятие «толпа», о которой постоянно говорит Александр, надо вкладывать иное содержание, нежели это делает племянник: «Посмотри кругом: рассмотри массу — *толпу*, как ты называешь ее — не ту, что в деревне живет: туда это долго не дойдет, а современную, образованную, мыслящую и действующую: чего она хочет и к чему

стремится? как мыслит?» [1: с. 421]. Адуев-старший произносит приговор: с такой «непривычкой к новому порядку», не преодоленной за восемь лет пребывания в Петербурге, лучше вернуться в родные края [1: с. 422].

Попытка штурма Петербурга не удалась. Возвратившись домой, в Грачи, Александр «узкий щегольской фрак <...> заменил широким халатом домашней работы» [1: с. 447]. Гончаров предвосхищает изображение конкретики обломовских традиций, введя не только эту костюмно-портретную деталь, но и указание на то, что «во двор *ходить за барином*» была взята девушка Маша [1: с. 447]. Однако если Обломов в дальнейшем будет произносить монолог о том, как он «гаснул» в Петербурге, Александр Адуев приходит к тому, что «гаснет» здесь, в родных местах: «...что я здесь делаю? <...> за что вяну? Зачем гаснут мои дарования?» [1: с. 448]. В Грачах Александр испытывает удивление: «другие» воспоминания, «другая картина» [1: с. 446] проходят перед глазами. Ему «скучно — по Петербургу» [1: с. 448]. Он хочет «блистать <...> своим трудом», тем более что в Петербурге «тот и другой — все вышли в люди» [1: с. 448].

В течение полутора лет, а потом нескольких месяцев после смерти матери [1: с. 348, 350] герой переосмысляет себя и обстановку (что остается вне широкого прямого изображения). Автором подается результат: спустя время в Петербург к дяде и к Лизавете Александровне летят два письма. В послании тетушке молодой человек пишет: «...к вам приедет не сумасброд, не мечтатель, не разочарованный, не провинциал, а просто человек, каких в Петербурге много и каким бы давно мне пора быть. Когда смотрю на прошлую жизнь, мне становится неловко, стыдно и других, и самого себя» [1: с. 449].

Эпилог романа отделен от финала произведения, завершающегося этими письмами и знаменующего возвращение Александра в Петербург, четырьмя годами. Адуев-младший в финале и он же в эпилоге значительно разнятся. Причем писатель подает эти разительные перемены, совершенные «по следам» [1: с. 463] Адуева-старшего, в сюжетном умолчании. В эпилоге Александр смеется над своей «глупой мечтательностью» [1: с. 467].

Теперь его карьера развивается успешно, он зарабатывает «много денег» [1: с. 468], а посватавшись к богатой невесте, получает радостное согласие ее отца. При этом чувства девушки его не интересуют: ведет себя «она... так, как, знаете, все девицы» [1: с. 463]. Более того, узнав, что дядя по причине болезни жены подает в отставку, «в изумлении» восклицает: «Что вы, дядюшка! <...> ведь вам нынешний год следует в тайные советники...» [1: с. 467], — и на этом его интерес к Лизавете Александровне заканчивается.

Таким образом, Гончаров, создавая произведение, в котором намеревался развенчать ложно-романтические, нежизнеспособные, противоречащие реальному бытию настроения, создал романное здание, наполненное гораздо более широкими смыслами. Дважды Александр Адуев идет на завоевание столицы — и оба раза терпит поражение, хотя во втором случае и ему самому, и окружающим (прежде всего дяде Петру Ивановичу, будущему тестю и проч.) восхождение по служебной лестнице и ожидаемая выгодная женитьба на девушке, чувства которой к нему, Александру, его даже не интересуют, представляется победой. В понимании Александра, годами воспитываемом в нем Петром Ивановичем, он добился цели — стал как все, а точнее — как *тот Другой*, который добился фортуны.

Однако «школа» родного дяди, согласно убеждениям которого следует идти по жизни только с прагматическим расчетом, выхолостила в Александре душу. Если в самом Петре Ивановиче живые чувства не угасли, то его насаждаемые «уроки» произвели в сердце и в сознании племянника разрушительно-опустошающее действие. Мир Адуева-младшего в результате «завоеваний» представляет собой выжженную землю, на которой существует только его *Я* и нет и не может быть места для *Другого*.

В результате, если к Петру Ивановичу создатель романа сохраняет теплые чувства, то Александр становится ему неинтересен — вследствие *обыкновенной*, как горько-иронически сетует автор, *истории* его жизненного пути.

«Боковые» линии развития мотива *Другого*

Генеральная линия мотива *Другого* в образах старшего и младшего Адуевых сопровождается «боковыми» ответвлениями, преломляемыми прежде всего в образе Лизаветы Александровны. Она, указывает повествователь, «была свидетельницей двух страшных крайностей — в племяннике и муже»: «Один восторжен до сумасбродства, другой — ледян до ожесточения» [1: с. 315]. Гончарову было важно показать, что Лизавета Александровна «с героическим самоотвержением таила свою грусть, да еще находила довольно сил, чтоб утешать других» [1: с. 315]. Именно ей дано понять, что люди (и ее муж в том числе) оценивают *Другого* по себе. Суждение повествователя о Петре Ивановиче: «Он был враг всяких эффектов — это бы хорошо; но он не любил и искренних проявлений сердца, не верил этой потребности и в других» — находит свое продолжение в словах Лизаветы Александровны, обращенных к мужу: «...ты не хочешь верить к существованию такой любви и в других» [1: с. 314, 325]. В эпилоге к Александру обращены ее слова: «...теперь вы умны и благородны по-другому, не по-моему...» [1: с. 467].

Мотив *Другого* переплетен с мотивом Судьбы. Лизавета Александровна в разговоре с мужем говорит о «насмешке судьбы» [1: с. 320]. Александр приходит к мысли о том, что «часто, в момент достижения желаемого, судьба вырвет из рук счастье и предложит совсем другое, чего вовсе не хочешь» [1: с. 390]. Петр Иванович, в связи с нездоровьем жены выходя в отставку, позиционирует себя фаталистом: «...судьба не велит идти дальше...» [1: с. 468]. Повествователь с горькой иронией солидаризируется с героями: «судьба не дремала» [1: с. 410].

Наряду с развитием мотива *Другого* в трех центральных характерах Гончарову важен ряд иных разноплановых акцентов. В стилистической маркировке местоимением «другой» на первый план выдвинуты многообразные суждения повествователя, сценических и внесценических персонажей: от суждений о «другом» деле до размышления о «другой, высшей красоте» в «северных красавицах» и др. [1: с. 335, 456].

Единство и различия мотива *Другого* в романах писателя

Мотив *Другого* получает глубинную разработку в романе «Обломов». Пунктирная стилистическая маркировка мотива местоимением «другой», как и в романе «Обыкновенная история», отмечает сюжетные вехи произведения. Однако вектор изображения диаметрально противоположен вектору первого романа: Обломов не хочет быть, как все, — хотя такая прямолинейная дешифровка мотива ни в коей мере не исчерпывает произведения, поскольку семантика мотива качественно наращена [4].

В романе «Обрыв» картина иная. Изображаемая эпоха ознменована отрешением от «сна». Центральной проблемой произведения становится осознание персонажами свободы — у каждого человека разной, *Другой*. В силу этого Гончаров сравнивает всех со всеми, горстями разбрасывая маркеры «другой». Мелькание этого маркера простирается на понимание героями судьбы и случая, ценностей любви и дружбы, труда и творчества. В этом последнем гончаровском романе мощно звучат интертекстуальные мотивы, которые были намечены в первом романе и актуализированы во втором [5].

Таким образом, гармонизированное воплощение Гончаровым своего художественного мира происходит на путях структурно-композиционных сопоставлений и противопоставлений при поддержке этого приема сравнением как стилистическим приемом. В результате мотив сравнения с *Другим* играет консолидирующую роль в организации художественного целого в романах писателя, создавая сплав двух уровней носителей стиля — структурно-композиционного и стилистического.

Литература

1. Гончаров И.А. Полн. собр. соч. и писем: в 20 т. / Ред. колл.: В.А. Котельников, Е.А. Краснощекова, Т.И. Орнатская, М.В. Отрадин, К. Савада, Н.Н. Скатов, П. Тигрен, В.А. Туниманов. Т. 1. СПб.: Наука, 1997. С. 172–469.
2. Громова О.Ю. Сравнения в «Войне и мире» Л.Н. Толстого // Поэтика литературного произведения / Под ред. Г.И. Романовой. М.: МАКС Пресс, 2010. С. 154–168.

3. *Лосев А.Ф.* Диалектика художественной формы // Лосев А.Ф. Форма. Стил. Выражение / Сост. А.А. Тахо-Годи; общ. ред. А.А. Тахо-Годи и И.И. Маханькова. М.: Мысль, 1995. С. 5–296.
4. *Лоскутникова М.Б.* Мотив *Другого* в романе И.А. Гончарова «Обломов» // Вестник ЦМО МГУ. Серия Филология. Культурология. Педагогика. Методика. 2010. № 3. С. 95–100.
5. *Лоскутникова М.Б.* Мотив *Другого* в романе И.А. Гончарова «Обрыв» (в свете становления функциональных особенностей мотива в трилогии писателя) // *Literatūra: Rusistica Vilnensis: Mokslo darbai*. Vilnius: VU leidykla, 2012. Nr. 54 (2). P. 75–87.
6. *Маркович В.М.* «Чужая» речь и взаимодействие речевых манер в романе Гончарова «Обыкновенная история» // Научные доклады высшей школы: Филологические науки. 1982. № 2. С. 58–66.
7. *Недзвецкий В.А.* Роман И.А. Гончарова «Обломов»: Путеводитель по тексту. М.: Изд-во Моск. ун-та, 2010. 224 с.
8. *Пруцков Н.И.* Мастерство Гончарова-романиста. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1962. 235 с.
9. *Фаворин В.К.* О взаимодействии авторской речи и речи персонажей в языке трилогии Гончарова // Известия АН СССР. Отд-е лит. и языка. 1950. Т. IX. Вып. 5. С. 351–361.

References

1. *Goncharov I.A.* Poln. sobr. soch. i pisem: v 20 t. / Red. koll.: V.A. Kotel'nikov, E.A. Krasnoshheкова, T.I. Ornatskaya, M.V. Otradin, K. Savada, N.N. Skatov, P. Tigren, V.A. Tunimanov. T. 1. SPb.: Nauka, 1997. S. 172–469.
2. *Gromova O.Yu.* Sravneniya v «Vojne i mire» L.N. Tolstogo // *Poe'tika literaturnogo proizvedeniya / Pod red. G.I. Romanovoj*. M.: MAKS Press, 2010. S. 154–168.
3. *Losev A.F.* Dialektika xudozhestvennoj formy' // Losev A.F. Forma. Stil'. Vy'razhenie / Sost. A.A. Taxo-Godi; obshh. red. A.A. Taxo-Godi i I.I. Maxan'kova. M.: My'sl', 1995. S. 5–296.
4. *Loskutnikova M.B.* Motiv Drugogo v romane I.A. Goncharova «Oblomov» // Vestnik CMO MGU. Seriya Filologiya. Kul'turologiya. Pedagogika. Metodika. 2010. № 3. S. 95–100.
5. *Loskutnikova M.B.* Motiv Drugogo v romane I.A. Goncharova «Obryv'v» (v svete stanovleniya funkcional'ny'x osobennostej motiva v trilogii pisatelya) // *Literatūra: Rusistica Vilnensis: Mokslo darbai*. Vilnius: VU leidykla, 2012. Nr. 54 (2). R. 75–87.

6. *Markovich V.M.* «Chuzhaya» rech' i vzaimodejstvie rechevy'x maner v romane Goncharova «Oby'knovennaya istoriya» // Nauchny'e doklady' vy'sshej shkoly': Filologicheskie nauki. 1982. № 2. S. 58–66.

7. *Nedzveczkij V.A.* Roman I.A. Goncharova «Oblomov»: Putevoditel' po tekstu. M.: Izd-vo Mosk. un-ta, 2010. 224 s.

8. *Pruczkov N.I.* Masterstvo Goncharova-romanista. M.; L.: Izd-vo AN SSSR, 1962. 235 s.

9. *Favorin V.K.* O vzaimodejstvii avtorskoj rechi i rechi personazhej v yazy'ke trilogii Goncharova // Izvestiya AN SSSR. Otd-e lit. i yazy'ka. 1950. T. IX. Vy'p. 5. S. 351–361.